

НАПИСАНО
БЕЗ УЧАСТИЯ
ИИ

КАРЛОВ СЕРГЕЙ
НЕЛЕГКАЯ СЛУЖБА

Сергей Карлов

Нелегкая служба

«Автор»

2025

Карлов С.

Нелегкая служба / С. Карлов — «Автор», 2025

– Клюква!!! А вот клюква кому!!! – голосила розовощекая дородная девка в простецком крестьянском сарафане и цветастом платке. Перед ней, в корзинках на прилавке, красиво поблескивали спелые красные ягоды. Громогласный высокий голос девицы перебивал даже шум близкой пьяной драки. – Клюква спела, кисла, забориста!!! Тяжела жизнь человеческая в холодной и покрытой густыми лесами Яровии. Царь-батюшка суров и спрашивает со своих подданных строго. Но справедлив. К тем кто добротню его волю исполняет, он милостив и щедр. А потому и народ спокоен, в справедливости и жить привольней. Щедра земля Яровии, тучна и плодovита. В лесах дичь и пушнина. На полях рожь да репа. В реках полноводных рыбы вдосталь. Живи да радуйся. Строй, торгуй, добывай и богатеи. Но врагов завистливых вокруг много – то степняки с Черных степей налетят, то ляхи ненасытные с болот западных войной идут, или племена северные грабить приходят. Да и своих лихих людей в достатке. Потому и люд служилый без дела не остается.

© Карлов С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Карлов

Нелегкая служба

Глава 1

Ременной боярин Всеволод Кручина сидел в темной нечистой избе стрелецкого приказа Сейской крепости за длинным плохо обструганным столом, заваленным раздатными книгами, коряво написанными челобитными, пустыми винными штофами и глиняными плошками с остатками еды. Он бессмысленно пялился в мутное, давно не мытое оконце на улицу, где повесенному яркое, но еще холодное солнце лениво освещало набухшую талой водой землю, да заливались пичуги всех мастей, распеваясь перед началом брачного сезона.

Несколько долгих минут Всеволод смотрел на залитую солнцем размокшую и пустую улицу, превратившуюся в грязную жижу, из которой кое-где выглядывал горбыль, которым в Яровии так любили мостить городские улицы. Затем взгляд товарища воеводы переместился на омерзительно белый свиток плотной бумаги с кроваво-красной печатью Великого царского приказа. Взгляд Всеволода стал осмысленным и наполнился отвращением.

– Фролка, вина!!! – заорал он, и давно нечесаная борода встопорщилась.

Через пару минут дверь в приказную избу отворилась и в палаты, спиной вперед, вошел высокий мосластый детина в небеленой холщовой рубахе, подпоясанной лыковой веревкой, и льняных синих шароварах. Кожаная, подбитая собачьим мехом безрукавка дополняла его наряд. Через дверь он аккуратно пронес большой деревянный поднос, заставленный едой, с объемистым кувшином по центру.

– Несу, батюшка! – так, чтобы было хорошо слышно на улице, пропел Фролка, исполняющий при боярине роль слуги, но если быть совсем честным, то скорей заботливой няньки. Что вызывало затаенное веселье всего стрелецкого приказа и дворни. Затем, взгромоздив поднос на свободный пятак стола, тут же, не спрашиваясь разрешения, цапнул своей загребущей пятерней с длинными узловатыми пальцами царскую грамоту и погрузился в чтение, наморщив лоб и водя пальцем по строчкам.

Всеволод, не обращая внимания на наглого холопа, потянулся и, ухватив кувшин, хлебнул прямо из горлышка. Но тут же закашлялся и укоризненно посмотрел на своего слугу:

– Квас?!

– Хватит пить, Волька, – совсем другим, чем давеча, тоном ответил Фрол. От его показного подобострастия не осталось и следа. – На трезвую голову надо тут все обдумать.

Всеволод передернул широкими плечами и поморщился:

– Ты мне того, не балуй... И чего тут думать?.. Царь наш батюшка волею своею отправляет нас за тридевять земель, туда, где земля гнилая, порченная. Сопроводить и оберегать какого-то ученого человека, чтобы он там, значит, опыты свои делал. А не убережем его, так и возвращаться не стоит – не пощадит царь никого. А ежели в дороге стрельцы взбунтуют или враг какой сильный встретится, все одно... – лицо боярина стало багроветь от злости. – Знаю я, чьи это проказы. Никак сам Дубовит постарался, через дядьку своего. Тот царю напел. Мало того, что, гнида, жену сманил, так теперь и извести чужими руками хочет!

– Тихо, Волька, тихо. Не время сейчас блажить. Да и жену твою никто не сманивал, сама сбегла. – Фролка спокойно смотрел в бешеные глаза боярина. Зная своего господина с раннего детства, холоп давно научился, как себя с ним вести – где умаслить, а где и поспорить. Затем он взвесил на руке опечатанный мешок с золотыми монетами, что доставили вместе с указом, и неодобрительно крякнул. Затем вполголоса добавил: – Маловато...

Всеволок шумно выдохнул:

– Да, ты прав, не время сейчас киснуть...

Но в голову товарища воеводы, как назло, так и лезли непрошенные мысли о красивой, статной, но стервозной Оксане и любимой дочке – Любавушке. Женился Всеволок поздно, всю молодость в седле растеряв, гоняя степных стервятников по бескрайнему Черному полю. Сначала под началом отца – воеводы охранного отряда порубежников Яровии. А как тятеньке руку прострелили да он в усадьбе осел, Всеволок стал начальником над полусотней детей боярских. Вернувшись в очередной раз из набега на восточные улусы, он внял наконец увещаниям отца с матерью да Фролкиному нытью, и по сговору женился на красивой Оксанке, девице из угасающего княжеского рода Кургузовых. Род этот был совсем захиревший, потому и выдали девку за худородного ременного боярина Кручину. И так Всеволоку тогда хорошо и светло стало... Испросился он на спокойную и непыльную службу товарищем воеводы Сейска, что в глухих лесах на севере, недалеко от поместья своего – жидковато конечно, но никакие враги туда вовек не доходили. Даже северные ватаги душегубов стороной обходят – брать нечего, да еще и от речки Лышки, по которой плоты с деревом гоняют, через леса нужно продираться не одну версту. По древнему царскому указу, еще при царе Горохе писанном, лес валить около городов и острогов запрещено. Две сотни шагов от стен расчищали, чтобы простреливалось. А дальше все – тащи лес за много верст. Вот и стоит Сейск с покосившимися рублеными стенами, словно в лесной чаще, как избушка промысловая. Да и кому вообще это захолустье нужно... Сам городишко – три улицы, приказная изба и один кабак. Дровосеки, углежogi, охотники да ложкорезы домоседные. И в скитах своих к северу волхвы живут, что от мирских дел ушли, и как люди говорят, с богами напрямую общаются. Воевода городской, он же и наместник местный, аж из столбовых – Силин Карпыч – пьет уже который год, не просыхая. Благо, что здоровьем крепок, как бык. Сам говорит, потому и пьет, что намаялся на службе государевой. Вот к нему Всеволока и приставили. Не служба – малина. Из всего войска – десяток стрельцов, да еще десяток детей боярских с холопами к крепости приписаны. Даже пушченки захудалой нет. Зато усадьба рядом. Семья, уют.

Поместье Кручины было совсем небольшое, а можно даже сказать, что и маленькое. Подаренные еще прошлым царем деду Всеволока за службу беспорочную деревенька Ходы на дюжину дворов, три хутора с заливными лугами да дом старый – на два этажа рубленый – вот и вся боярская вотчина. Хватало Кручинам только на невеликий прокорм. Даром, что титул боярский, а ратников уже и снарядить не на что. Потому и были Кручины всегда при службе государевой.

Однако Всеволок любил свою усадьбу – глухомань, конечно, «медвежий угол», но вечером летним красиво так, что сердце заходится. Речушка лесная недалеко журчит, сядет мальчишкой, бывало, на бережку и смотрит, как мелюзга рыба да лягушки в речке шныряют. Иногда и зверь непуганый на водопой придет. Лес вокруг вековой, дремучий, когда обильный и ласковый, когда опасный и жуткий. А ежели по тропке версту пройти – до берега Лышки, там луга разнотравные и делянки крестьянские. В стогу сенном душистом, бывало, лежишь, солнышком любуешься. Красота... А дом какой! Любил Волька, маленьким еще, когда в главной комнате вся семья собиралась долгими зимними вечерами. Бревна дома дубовые, в полтора аршина обхватом. Темные, древние, устойчивые. За оконцами, из цветных стеклышек набранными, выюга воет, а в доме уютно, печь огромная греет. С утра жарко натопленная, весь день тепло отдает. Тятенька, когда дома бывал, сидит с хитрой улыбкой, сабельку точит и байки детишкам рассказывает. Мамка с бабками рядышком что-то вышивают или пряжу валяют. А Волька с сестрами сидит, рот раскрыв, и слушает о походах военных, случаях смешных да о зверях невиданных, что в чащобах вековых обитают. Страшно и интересно одновременно. Хорошо было в отрочестве...

Но недолго продлилось Всеволока счастье семейное. Забузила жена – Оксанка, когда моложавый красавец Дубовит в Сейске проездом появился. И жалел теперь боярин, что жену не колотил, как издревле положено, пылинки с нее сдувал – задурела баба. А потом и вовсе сбежала, да еще и дочку забрала. Не мог он на жену руку поднять. Любил сильно. Ну а теперь жалеет не жалеет...

...

– Собираться надобно, Волька. Да в Черноборы двигать. – Фрол пристально смотрел на угрюмого боярина. – В указе так и сказано: «безотлагательно».

– Ммм... Да, собирай, че нужно. Завтра же поутру и поедем. – Товарищ воеводы тяжело вздохнул и, свернув царский указ, сунул его в кожаный футляр и заправил за широкий, обшитый потертым, уже иноземным, бархатом кушак. – Горошку мне позови, наказ сделаю. За старшего останется...

– Ты бы, Волька, Карпычу сказал. Обиду затаит... – напомнил Фролка.

– Да он уже вторую неделю в запое. Себя не помнит, – отмахнулся товарищ воеводы, постепенно сосредотачиваясь на деле.

Дело царь наметил и впрямь не рядовое. Надо было иноземного ученого человека, со смешным именем Редька, проводить аж за юго-западное порубежье – почитай, на полтыщи верст. В земли пустые, порченые, мертвые. Где степью идти, где лесами, а где и болотами гнилыми. Ученый этот найти должен место нужное. В землях тех, говорили бабки, аж в Навь заглянуть можно. И, «острог там охранный заложив», охранять этого иноземца, «не пожалев живота своего», пока тот работы своей не закончит – так в указе было написано. Видимо, что-то сильно важное в этих местах было, раз царь целый отряд снарядил. Для похода этого полсотни стрельцов давал и казаков порубежных реестровых. Даже пушкой расщедрился. И, как подумалось Всеволоку, со злобного напева, о боярине Кручине вспомнив. Однако делать нечего, с царской волей спорить не приходилось – крут на расправу батюшка наш, Яровии вседержец. Сильно лют на ослушников.

...

На следующий день Всеволок с нестерпимо зевающим Фролком неспешно ехали узкой размокшей дорогой на юг. Было еще прохладно и ветрено, хотя солнышко весело светило с небосклона, изредко туманясь редкими плывущими облаками. Лошади медленно вышагивали, чавкая копытами по раскисшей жидкой грязи, залепившей им все брюхо. За боярином, ведя в поводу нагруженных дорожной поклажей заводных коней, привычно дремали в седлах два боевых холопа – Емка и Щепа, здоровенные, но недалекие парни, набранные Всеволоком из своей деревеньки, а затем выпестованные и натасканные для боя.

Широкоплеч был Всеволок, подтянут, румян и ясноглаз. Невысок, но добротен. Руки крепкие, мускулистые, к делу ратному приученные. Борода густая, после гребешка чистая. Взгляд синих глаз горделивый, серьезный. Ну не человек – сокол лесной.

Красивый кафтан на нем, по званию положенный, – черный походный, с вышитыми серебром разговорами на груди и козырным воротником, подбитый козым мехом и подпоясанный красным расписным кушаком. На голове залихватски надета невысокая бобровая шапка-полугорлянка со стальным шишаком внутри и начищенной эмблемой в виде бобра – родового знака Кручин. На красиво расшитой серебряной нитью перевязи – широкая степная сабля с богатой рукоятью и ножами, да еще кобура с пистолем шпильным, производства артели Прошки Ноздреватого. Хорошего ровного боя, украшенный старинной костью с замысловатой резьбой и золотой насечкой, пистоль стоил дорого, но уж тут Всеволок не экономил. Еще отец говорил: «У ратного человека сабля – самая дорогая из обнов». Из притороченного к седлу кожаного чехла выглядывал резной приклад короткой верховой пищали от того же оружейника

Прошки, но попроще. Короткие сапоги черной крепкой кожи с красным кантом поверху были сейчас густо заляпаны дорожной грязью.

Ехавшие позади Емка и Щепы сидели в местах штопанных, полинявших от непогоды и долгой носки коротких верховых тягелях, надетых поверх синих кафтанов и подпоясанных такого же линияло-синего цвета кушаками, с незамысловатой и некогда белой вышивкой. От пули, конечно, такой доспех не спасет, но в рубке верховой поможет. Тяжелые сабли у пояса и короткие пищали за спиной. Да еще по паре ядер гранатных в сумке. На головах – подбитые собачьим мехом синие суконные шапки с таким же значком, как у своего боярина, только оловянным. Зеленые суконные шаровары заправлены в короткие сапожки со слегка загнутым острым носком. Похожи были парни, как родные братья. Оба белобрысые, с бритыми лицами, как холопам боевым и положено, только усы сосульками свисают. Носы картошкой. Оба здоровые, высокие, крепкие, но умом одинаково не шибко острые.

Зато ехавший сразу за Всеволоком Фролка был совсем из другого теста. Сутулый, высокий и мосластый детина с рублеными чертами вытянутого лица, за смышленность свою сызмальства приставленный к молодому боярину – наблюдать да от шалостей оберегать. Умный, хитрый и изворотливый да довольно крепкий малый. Лицо брил чисто, потому как дворовый холоп, не оброчный селянин – те бороды не брили. Некрасивые грубые черты его только оттеняли взгляд пронзительных серых глаз, заставляя людей прислушиваться к словам неглупого парня. Одевался Фролка как все деревенские: в простой суконный кафтан, веревкой подпоясанный, овчиной подбитый, рубаху косоворотную да штаны небеленые, только вместо лаптей с обмотками – сапоги грубые, свиным салом натертые. На голове шапка старая, собакой отделанная. На поясе кистень с биллом свинцовым. Ругался, конечно, на него за такой вид Всеволоком. Мол, боярина позоришь, как оборванец ходишь. Денег на одежду давал. Но куда там – отбрехивался умник, так и ходил в тряпье своем, все денежку на черный день откладывал.

Так вот и проехал боярин с холопами, почитай, три сотни верст с гаком: от дремучих лесов Сейска – через городки, деревни и остроги широкой Яровии – до порубежной крепости Черноборы, что за степью лихой бдит да за льяхами злыми одним глазком приглядывает. На постой в гостевых избах становились, и то только на ночлег, когда темнеть начинало. Торопился Всеволоком. Царь шутить не будет. Раз написано «незамедлительно», то мешкать – себе же петлю вить.

Глава 2

Крепость Черноборы стояла на невысоком, почти округлом широком холме на самой границе леса и степи. Как ошестившимся пушками проездом в засечной черте, что окаймляла большую часть государства Яровитого. Небольшая, на полсотни дворов, она была обнесена крепкой деревянной стеной в два ряда бревен с насыпанными между ними землей и камнями. Утыканный кольями ров разевал свою глубокую пасть вокруг крепости. Через равные промежутки в стене были невысокие башни, рубленные на шесть углов, темные и узкие бойницы которых щедро украшались подпалинами и светлыми сколами от пуль и стрел. «Неспокойное место», – отметил про себя Всеволок.

Подъезжали к городу уже в полутьме, поэтому вышедший к ним начальник караула – высоченный стрелецкий детина в панцирной кольчуге, надетой на красный потрепанный кафтан, долго и дотошно допытывался, кто да по какому делу. И придирчиво вглядывался в подорожную, что прислали вместе с указом. Сама крепость, как заметил боярин, содержалась в должном порядке. Проходы широкие и чистые, дома опрятные. Окна только узкие, как бойницы, узорными решетками поверх стекла забранные. Праздных пьяниц не видно. На стене дежурят часовые. Горят фонари, заправленные топленным жиром, освещая подступы к стенам. Выглядывающие в бойницах башен пушки были прикрыты от непогоды просмоленной рогожей. Одно слово – сильный рубежный город.

– Хорош тут воевода... – вполголоса сказал боярин, уважительно покачав головой.

Фрол только одобрительно крякнул.

Казенный дом, в котором располагались все приказы, стоял на главной площади, как раз напротив дома местного воеводы. К нему надо было обязательно сделать визит вежливости, иначе – обида и мысли темные. Но изначально проследить, чтобы дело делалось, и причем споро, а не как обычно – после крика жареного кочета.

Переночевав в гостевой избе и утром наскоро перекусив, Всеволок разложил на столе в чистом обеденном зале заранее составленный список необходимого и еще раз пробежался глазами по всем пунктам. Затем посмотрел на стоящего рядом Фролку и протянул ему оба свитка – и списочный, и из царского приказа. Вытащил из-за пояса небольшой упругий кошель и также отдал слуге.

– Ну ты знаешь все, – сурово, но тихо сказал боярин, когда холоп взял свитки. – Главное, не забудь на стрелецком подворье сарай какой на время взять и Емку с Щепой к нему приставь. А то поворуют еще. Я потом подойду, и порешим там все с нашим интересом.

Фролка понимающе кивнул и уже через пару секунд был на улице. Подозвав обоих парней да наказав им захватить с собой пищаля, он протянул им берестяную котомку с грибными пирогами и рыбными растягаями, что подавали в таверне. Не голодными же им там службу бдеть. Предстояло работы много: припасы и оружие для целой экспедиции, почитай, на полгода – не шутка. Да все проверить надо...

...

Дом воеводы Чернобора, Севыча Гнистого, был невелик, но уютен. Сам Севыч – невысокий кряжистый мужчина с тронутой проседью кустистой бородой и сабельным шрамом на щеке – Всеволоку сразу понравился. Радушный и крепкий хозяин. Рядом с Севычем исходила любопытством его жена – дородная и румяная Паранья. Судя по ее широко раскрытым глазам, не так часто в эти края заезжали гости, а потому на молоджавого боярина сбежалось поглядеть все женское население дома.

– Проходи, боярин, здрав будь. – Гнистый радушно развел руками. Тут же вперед выскочила худенькая молоденькая девчонка и с поклоном протянула Всеволоку поднос с кубком. Гость залпом выпил сладкое, чуть крепковатое вино и поклонился хозяевам дома.

– Благодарствуйте, – степенно поблагодарил он.

– Знаю, вчера прибыл, – продолжил хозяин, внимательно рассматривая гостя и жестами приглашая за уже накрытый стол. – Как тебя в наши края занесло? Куда путь держишь?

Всеволок смахнул с бороды капли, достал царскую бумагу и стал неторопливо рассказывать...

Воевода только кивал и неожиданно понимающе, даже с сожалением, смотрел на Кручину.

– На юг, говоришь, тебе надо? Еще и за Мертвые холмы? Да еще и с иноземцем? Далеко. Тяжко тебе там будет. – Севыч участливо посмотрел на Кручину. – Степняки-то вроде спокойные сейчас, но там твари пострашней водятся. Чего там только не встретишь... И места там гиблые, беспокойные. В случае чего, не выручит никто. Ну да что сделаешь, на все воля царская... Ну а че там в столице слышно? Ты ж мимо должен был проезжать...

Через пару часов Всеволок откланялся – надо было присмотреть за сборами.

В комнате Оружейного приказа, куда Всеволок затем отправился, было пыльно и сильно пахло мышами. Морща лоб и шевеля губами, боярин вчитывался в густо исписанный свиток, иногда сверяясь с толстой амбарной книгой, что была раскрыта перед ним на столе. Клубы пыли, подгоняемые легчайшим сквозняком, искристо сверкали в лучах дневного солнышка.

– Фролка!!! – вдруг заорал он в открытое по случаю весеннего тепла оконце. Приказчик, маленький и щуплый старичок с куцей козлиной бородкой и смазанными маслом пегими волосами, в полинялом сером кафтане и дешевыми очками на носу, даже подпрыгнул на своем табурете от неожиданности.

Меньше чем через полминуты стукнула тяжелая дубовая дверь и в контору вошел высокий Фрол. В испачканных оружейным маслом руках он держал свою замызганную собачью шапку. Боярин исподлобья взглянул на вошедшего.

– Порох проверил? – сурово спросил он.

– Проверил, боярин, – с поклоном ответил Фролка. – Хорош порох. И вдосталь. А вот свинец странный у них тут.

При этих словах старичок-приказчик заерзал на табурете. А Фролка, как будто с удивлением, достал из своего бездонного кармана серый слиток и отдал боярину.

– Ох ты ж! – Всеволод взял тяжелый брусок в руку и надавил. Под крепкими пальцами боярина от бруска стали откалываться части и сыпаться на пол глиняной крошкой, обнажая кусок свинца вполовину меньше, чем положено.

– Пушки нет, – продолжил ябедничать Фролка. – Да сухари с зеленью и мышами погрызены, а полба вся с червем. Вино казенное – жидкое, как вода. Пищали – ржавь, да и игл к ним мало, так еще и погнутых половина.

– Это что ж ты, мил человек? – через пару мгновений неожиданно ласковым голосом заговорил Всеволод, повернувшись к приказчику. – Как же у тебя такой непорядок?

– Это Хомка, сучий сын, он же свинец поставил. Вишь обманул. Я-то и не проверил все. Стар стал чушки свинцовые тягать... А уж боярину светлому нашему Тапышу и писал, и челом бил, так где теперь этого Хомку сыскать? – Приказчик как бы виновато, но с хитрым прищуром смотрел на боярина, пытаясь понять, как себя дальше вести. Либо сразу на лапу дать, либо отбрехаться и отправить к начальнику приказа, столбовому боярину Тапышу. За свою многолетнюю работу старик повидал много всяких знатных и служивых людей, и особенно не боялся. Мзду все брали. Да и в случае чего толстобрюхий Тапыш прикроет, даром, что ли, на службе царской так отъелся и хоромы в три этажа отгрохал.

Но этот боярин повел себя странно: не стал сразу орать и размахивать сабелькой. Густая расчесанная борода Всеволока вдруг разошлась в глумливой улыбке, а в глазах зажглись нехорошие огоньки, и он совсем уж медоточиво проговорил:

– Мы сейчас вона как сделаем. У меня в обоз скоро придет кибитка опричная. Так я тебя им сдам. До начальника-то твоего они не дотянутся, а вот тебя хорошо на дыбе обработают. И ты своею ручкою на всех мздоимцев, с кем добро государево делите, клязу и напишешь. Да и не одну. А там уж как царская дума рассудит... Ну а начальники твои тебя потом все одно не пощадят, даже если от опричных целым уйдешь...

И Всеволок очень дружелюбно и как-то даже по-отечески улыбнулся. Эта добрая улыбка произвела на старика поразительный эффект. Приказчик побледнел и несколько секунд сидел в раздумьях, прикусив губу, затем заговорил:

– Ты погоди, боярин. Извини, не понял я, что по государеву делу едете. Слепой стал, грамотку твою не разглядел... – Побледневший старик, маслянисто улыбаясь и мелко кланяясь, вдруг лихорадочно засуетился. – Пусть холоп твой со мной идет. Все исправим. А ты пока посиди, медку отведай. Моя Маланья сейчас принесет.

В Ченоборы, где должна была собираться вся экспедиция, Кручина поспел раньше всех. Только через день, с двумя подводами, запряженными волами и заваленными какими-то механизмами, сверкающими стеклом, железом и бронзой из под рогожных одеял, в отапливаемой небольшой бричке приехал тот, кого боярину и требовалось сопровождать и опекать.

Ученый человек был откуда-то из западных земель, потому и имя у него было нелепое и для яровитского уха смешное – Густав Редкарф, но выговаривать такое было сложно, поэтому постепенно трансформировалось в Редька.

За нагруженными подводами вкатилась черная крытая повозка, на которой тускло блестел бронзой, втихаря прокливаемый всею Яровией, знак – две перекрещенные метлы с собачьей головой – царские опричники.

Фролка, стоявший за плечом вышедшего из гостевой избы Всеволока, шумно выдохнул и зло сплюнул:

– От же. Принесла нелегкая...

– Цыц, дубина, – негромко осадил холопа боярин. – Нам еще только этих псов злить не хватало...

Тем временем из брички резво выпрыгнул, опершись на руку расторопного вихрастого малого, – видимо, слуги – высокий худой человек с черными, закрученными кверху усиками и маленькой, аккуратно подстриженной бородкой. На нем была расшитая красными узорами приталенная синяя бархатная куртка с широкими рукавами и ярко переливающимися перламутровыми пуговицами, синие панталоны и такого же цвета замысловатый берет с белым пером. Пышный кружевной воротник сиял накрахмаленной белизной. На вытянутом лице человека появилась улыбка, открывая большие лошадиные зубы. Оставшийся возле брички слуга тоже был разодет на западный манер, несмотря на хитрую яровитскую рожу.

– Срамота... – очень тихо прошептал Фрол, увидев приезжего.

Сидевший на козлах брички суровый, заросший до самых бровей патлатый мужик в заляпанном казенном кафтане с бляхой Разъездного приказа на груди неодобрительно сплюнул, поглядев на своего седока. Потом ученый человек, а это был явно он, зачем-то поприседав, вытягивая вперед руки, подошел к встречающим. Мывшие во дворе гостевой избы посуду девки громко прыснули смехом. Фролка, разглядывая нелепо разряженного персонажа, шепотом высказал боярину опасение, что еще придется искать где-то толмача. Но оказалось, что ученый довольно давно живет в Яровии и неплохо изучил язык, хотя и говорит с акцентом, иногда забавно коверкая некоторые слова.

– Сдраф пють, боярин! Мне написал твой царь, што тебя совут Крусина! – важно сообщил, раскланиваясь, приезжий. – Я профессор альхимий, мастер магий, член Царский Академий – Густав Редкарф!

– И тебе здравия, Густав. – Не понимая, надо ли ему кланяться как равному, Всеволок просто склонил голову.

В этот же момент из опричной повозки вышел молодой стройный юноша в темно-сером кафтане и такой же суконной шапке, отороченными волчьим мехом, и довольно развязной походкой направился к Всеволоку. Разговоры на его груди были ярко-красные, а на перевязи болталась неширокая, чуть искривленная ляхетская сабля. За расписным красным кушаком виднелся простой пистоль и кинжал в узорных ножнах. «Доверием царским, поди, пришибленный. Наглый...» – пронеслось в голове товарища воеводы.

– Опричного полку старший десятник Бешка Хлюзырь! – представился он, кривя губы под еще жидкими усами. Синюшные следы от прыщей на его лице задвигались. – Здрав, боярин. Прислан к тебе указом для надзора царского.

– И тебе здрав, опричник, – посмотрев, что из повозки вылазят еще двое, и чуть помедлив, ответил Всеволок.

Хлюзырь напрягся, видимо, усмотрев в приветствии товарища воеводы некую издевку, но смолчал.

Затем, закончив взаимные приветствия и распив положенные по обычаю чарки, Густав, утерев смешные, подкрученные кверху усики, сразу огорошил Всеволока: – Благородный воевода, у нас с вами есть только три с половин лун на этот експедиция, – с довольно забавным акцентом сообщил он. – Опить должен бить на Половичин день.

Однако ничего забавного для боярина это не означало. Всеволок нахмурился.

– Полевицын? – переспросил он.

– Да! Так. Плюс два дня, – почему-то занервничав, ответил ученый. Усики его при этом забавно встопорщились.

– Можем не успеть, – что-то просчитывая в уме, ответил боярин. – Как говорят, только идти в те края можно два месяца.

– Успевать надо! Опить должен пройти в нужный врэмь! – Густав взмахнул руками, распространяя вокруг себя запах какой-то цветочной парфюмерии.

– Царь строго приказал все сделать, как должно, – вклинился Хлюзырь.

– Ну, значит, успеем... – тяжело вздохнул Кручина.

Глава 3

Как только Всеволод поговорил с приказчиком, тот, смекнув, что с этим боярином лучше не ссориться, устроил все чудесным образом. Даже Тапышу писать не стал от греха подальше. Вдруг, ниоткуда, нашлись все необходимые запасы и наивысшего качества. И свинец, и пищали новые, и припасы в дорогу.

И сейчас товарищ воеводы стоял и смотрел, как казенные крючники быстро и деловито таскали в съемный сарай тяжелые сундучки со свинцовыми чушками, небольшие бочонки с порохом и мешки с овсом да сухарями. Рядом с воротами, обняв пищаль, на чурбачке лениво зевал Емка. Внутри расторопный Фрол сосредоточенно пересчитывал кули, сундуки и короба. Небольшая бронзовая пушка на одноногом колесном лафете уже стояла возле сарая, прикрытая просмоленной рогожей.

Вдосталь насмотревшись на суесящихся работников, Всеволод отправился хлебнуть чего-нибудь хмельного в таверну, пока Фролка занят. А то последнее время тот все нудел, боярин-де не пей и бу, бу, бу...

Там его и нашел стрелецкий полусотник. Прибыли приставленные к товарищу воеводы Ельцкого приказа стрельцы.

Боярин дважды прошелся перед строем, разглядывая своих солдат и обдумывая нужную речь. «Ну и рожи, – подумал он. – Каторжные. Опасаться таких надо...» Все они были из большого гарнизона, стоявшего в торговом городе Ельцке далеко на востоке, куда приходили караваны из султанатов и далекой империи Сюань. Ходил слух, что во время вспыхнувшей в городе Смоляной смуты стрельцы тоже поднялись, распаленные дармовым вином, что главные зачинщики выставили – боярин Федотка Курбатый и купец Еропка Скупой, которые смоляные ямы-то и держали. А потом-то, как говорят, протрезвели стрельцы и раскаялись. Но поздно было. Поговаривали, царь дико осерчал – бунт подавили со всей возможной скоростью. Два полка опричных в городе лютовали. Третью смутьянов казнили, оставшихся вседержавный милостиво простил и разбросал по рубежам Яровии – вину искупать службой беспорочной. Каты опричные только свои метки им оставили, чтобы помнили, собачьи дети, как против власти головы поднимать. А Еропку с Федотом на дыбе покурочили и еще живыми прилюдно сожгли, а семьи их в приказные холопы оброчные определили. По поводу этой смуты царь даже указ выпустил, который Всеволод во «Вседержавном листке» читал.

У каждого стрельца был какой-то дефект – или ноздря рваная, или выжженное на щеке клеймо в виде птичьей лапы, либо все вместе. Наконец, Всеволод решил не мудрить, поставив перед стрельцами четкую задачу – так всегда лучше выходило.

– Стрельцы! – боярин выдохнул хмельными парами и громко начал свою речь. – Царь-батюшка, да хранят его боги, указал нам дело важное, государственное! – Всеволод многозначительно поднял указательный палец к небу. – На юг пойдем! Человека ученого, из самого Яру, охранять будем! Чтобы он, значит, оружие страшное делал на погибель врагам нашим! За то милует вас царь-батюшка! Простит бузу вашу, ежели, не щадя живота, сохраним да с оружием этим к царю вернемся. Так еще и озолотит!

Про то, что если экспедиция провалится, все стрелецкие семьи, которые сейчас под надзором опричным, будут в холопы проданы, Всеволод говорить не стал. Чай не дети перед ним – сами все понимают. Подумалось ему, что жестоко, конечно, но по сути царь правильно делает. Без крепкой и жесткой руки Яровии никак нельзя: забузит страна огромная, красной живой водой умоется. Вроде народ тихий и мирный, но как репей под хвост попадет да казенка в

горло прольется – жди большой беды. Будут по всей стране красные петухи гулять и кровь литься. Бывало такое уже не раз. Страшной данью платила в смутные времена сторона много-страдальная.

Стрельцы стояли молча, как истуканы, внимательно слушая боярина. Видимо, хорошо над ними опричные потрудились. Никто не шептался, не отпускал замечаний и шуточек, как это обычно бывает в ратной среде. Всеволоку это показалось нехорошим знаком. Он тяжело вздохнул и приказал разойтись. Полусотнику объяснил, что надо идти получать оружие и помогать Фролке заготавливать припасы. Затем боярин вернулся в таверну и продолжил там прерванное стрелецким занятие – стал надираться.

...

Когда начало темнеть, Фролка вышел из сарая, закончив инспектировать выделенные продукты. Возле пушки возились трое молодцов в черных стрелецких кафтанах с серебряными шнурками на груди и саблями на кожаных ремнях, что были им вместо кушаков. На простых перевязях-«берендейках» у них висели грозди гнезд. В них солдаты носили патроны из промасленной бумаги. Лица стрельцов были отмечены знаками, какие могли быть поставлены только в опричном приказе. Навешивая тяжелый замок, Фрол вопросительно посмотрел на сидевшего у стены Емку. Тот пожал плечами и распевно произнес:

– То стрельцов пригнали, что с нами пойдут. – Затем, широко и заразительно зевнув, продолжил свою нелегкую службу.

– Здравы, служивые! – Фролка приветливо улыбнулся и подошел к стрельцам.

– И тебе здрав будь, мил человек, – ответил один из пушкарей, высокий щекастый детина с красным воспалившимся клеймом на щеке. Видимо, главный пушкарь. Остальные кивнули и опять стали возиться с винтовым затвором пушки.

– Так, значит, с нами идете? – приветливо спросил Фрол и, протянув руку здоровяку, представился. – Фролка, боярина Кручины человек.

– Зови меня Горынычем, все так кличут. – Здоровяк стрелец пожал протянутую руку. – С вами...

– Пушка что? Рабочая? – Фрол ткнул пальцем в стрельца, который, тихонько матерясь, натужно пытался провернуть винт затвора. – Приказной клялся, что новая.

– Да новая-то новая. Затвор только клинит. Поди, на мануфактуре не углядели. Ну это не беда, щас подточим, подмажем и будет совсем новая, – стрелец утробно хохотнул. – Да в зарядном ящике картузов-то поболее, чем чушек чугунных. И картечи мало совсем. – Затем, помедлив, поинтересовался: – А скажи, Фрол, что твой боярин, лют ли?

– Да не. Добр, аки пчелка. – Холоп улыбнулся. И закончил уже с серьезным лицом: – Пока дело делается. А чугунки с картечью нам попозже привезут. И шрапнелю обещали.

На том они и разошлись. Фролка, опасаясь, что боярин опять наберется сверх всякой меры, поспешил в гостевую избу...

В довольно большом зале уже стало душно, весело и шумно. Местные спокойно ужинали, запивая вином или медом тушенную с овощами козлятину. Опричные сидели за отдельным столом в «чистой» половине зала. Там же, в дальнем углу, Фрол увидел боярина. Тот все-таки успел уже хорошенько залить глаза. На его коленях сидела дебелая местная гулящая девка, которых полно в любом городе, где ратные люди стоят, выкатив из растрепанного платья обширную грудь. Пьяный Всеволок в расстегнутом кафтане что-то шептал ей на ухо, одновременно шуруя под подолом руками. Девка повизгивала и хохотала. Холоп вздохнул, осуждающе покачал головой и, поздоровавшись, присел к компании возниц, которые привезли Редьку. Тот не появлялся из своей комнаты, проводя время, по словам его холопа Митрохи, за чтением каких-то умных книжек. Мужики степенно пили липовый чай с бубликами и вареньем, ведя неспешные разговоры. Как Фролке стало понятно, их тоже приказом подрядили в экспедицию.

Совсем уже в ночи народ стал потихоньку расходиться. Возницы, позевывая, отправились спать в общую комнату на втором этаже, оставив Фролку в одиночестве – дожидаться хозяина.

Дверь в таверну внезапно громко хлопнула. Все присутствующие замолчали и уставились на вошедшего – дикого вида мужика с косматой, давно нечесаной бородой на широком мясистом лице. Вошедший был высок и очень здоров. Широкие, чуть покатые плечи, длинные мощные руки. Из-под кустистых бровей на посетителей зыркали ярко-синие внимательные глаза. На патлатой голове вместо шапки был необычный головной убор с оскаленной головной росوماхи. Ее по-зимнему пушистая шкура с когтистыми лапами спускалась на плечи здоровяка. На груди и руках вошедшего побрякивали многочисленные амулеты из костей, клыков, когтей, каких-то камушков и покрытых вязью деревяшек. Такие же обереги на шнурках свисали даже с широкой бороды незнакомца. Одет он был в домотканые штаны и рубаху, выглядывающие из-под медвежьей шубы, сейчас распахнутой. Мягкие сапоги, подбитые оленьим мехом, дополняли его наряд. Через плечо висела объемистая кожаная сума грубой выделки. В руках мужик держал деревянный посох с себя ростом, на навершии которого скалился злой глумливой ухмылкой маленький брюхатый человечек со звериной мордой. По одному этому посоху можно было понять, что пришел редкий гость – волхв, жрец одного из самых жестоких богов яровитов – Сормаха, бога ненасытности, ярости и исступленного гнева. Вошедший огляделся и вперевалку, глухо стуча посохом, направился к Всеволоку. Проходя между столами, он намеренно проигнорировал опричных, которые неуверенно сжались на своих лавках. Повинуясь свирепому взгляду звероподобного волхва, девка, сидящая на коленях боярина, мгновенно вскочила. Затем стыдливо накинула платок и, второпях поклонившись, бросилась вон.

– Здрав, боярин. Ты Кручина? – Голос пришедшего больше походил на утробный раскатыстый рык какого-нибудь дикого зверя.

Основательно пьяный Всеволок утвердительно мотнул головой и вдруг неожиданно улыбнулся, посмотрев на жреца:

– Хорош... Прямо зверюга. Краса! Садись, выпей со мной. – Затем, покачнувшись, приглашающе махнул рукой. Напуганный Фрол уже мялся за спиной волхва, готовясь выручать хозяина. Вдруг жрец осерчает на пьяного помощника воеводы. При словах Всеволока он со страхом втянул голову в плечи, ожидая неминуемого взрыва. Своевольность волхвов была общеизвестна. Но мужик только усмехнулся и, прислонив посох к стене, сел напротив боярина. Затем, в два глотка опустошив протянутую полную кружку и утерев усы, представился:

– Бродобой, росوماхин сын. Круг к тебе приставил.

– Хорошо... – пьяно улыбнулся боярин.

...

Как бы ни стремились жрецы яровитского пантеона к одиночеству, предпочитая жить скитами в дремучих лесах, диких степях или у истоков рек, поближе к своим божествам, – все одно для окормления своей обширной паствы приходилось им ходить по городам и деревням. Надо же было совершать свои обряды и приносить жертвы, помогая простым людям в их нелегкой жизни. И, конечно, надо было собирать установленную законами долю. Для чего волхвы объединялись в общины, которые люди называли кругами. Потому что, собираясь для решения какого-нибудь важного вопроса, волхвы садились в круг. Это показывало равенство всего жречества. Когда царю или какому-нибудь сановному боярину нужен был мудрый совет, предсказание, лечение или помощь богов – он и посылал к такому обществу. Так же и в этот раз – Северному кругу пришло письмо из царской канцелярии, что надо помочь ученому человеку, которого оберегает ременной боярин Кручина, – молитвою, жертвою и иной необходимой помощью. Для чего царь посылает два десятка денег золотом, пять голов овец и украшенный тонкой резьбой и золотым тиснением табурет с мягким сиденьем. И теперь вызванный из своих заповедных чащоб жрец Сормаха должен, по решению круга, сопровождать Всеволока в этом далеком путешествии.

...

Волхв и Всеволод похмелялись после тяжелой ночи в компании Густава, который как раз вышел позавтракать. Ученый муж восторженно пытался объяснить подпирающему тяжелую голову боярину и открывшему рот Бродобой суть своих научных трудов. Фролка опять отправился к приказчику, чтобы требовать недоимки. Хитрый старик так и норовил чего-нибудь недодать.

– Мертвый, он всегда тянет жиснь у живой! Такой природа за та грань жиснь! В Нафь, да! – говорил уже в который раз Редька, вдохновленный поневоле внимательными слушателями. При этом он размахивал руками, как живая мельница. Затем Густав отломил кусочек хлеба и макнул его в жирный мясной соус. Тщательно прожевав и проглотив кусок, он продолжил: – Я меняй знак! Он будет не тащить от живой, а отдавать для живой. Я деляль живой как совсем-совсем мертвый, но живой! И это есть прорыв! Egregie! Я долго объяснять это ваш царь. Он велик – он понял! Сказал: «Идьи, делай!» Денех дал! Можно сделать из простой человек – не мертвый человек! Да!..

Наконец Густав выдохся. За пару минут он допил свой пахучий травяной взвар, чей запах вызывал у приятелей рвотные позывы, и отклонялся.

– Ты чего понял? – растерянно спросил здоровенный волхв, взглянув на Кручину красными, воспаленными после попойки глазами.

– Неа... – тяжело отозвался Всеволод. Ему было мутно. – Шибко он умный... не угонишься.

– Мда... – протянул Бродобой и резюмировал: – Дурачок...

– Так-то ж... Тут с живыми-то не разберешься, а он к мертвякам лезет... – Боярин тяжело вздохнул, обдав все вокруг перегаром.

Видя, что Кручине тяжело, волхв, поддержав его за руку, вывел болезного на улицу – освежиться и оправиться.

Когда новые приятели более-менее пришли в себя, то отправились на стрельбище. Там стрельцы под руководством полусотника – коренастого Полухи, пристреливали выданные ружья. Пищали были новые, прямо с мануфактуры, системы Коржа-Зяблика – игольчатые. В них разгоняемая пружиной каленая игла пробивала бумажный патрон и разбивала запальную лепешку, которую помещали на донце хитрой пули. Когда такая пуля пролетала по стволу, ободки в задней ее части распирались, а закрученный наконечник заставлял вращаться. За счет этого пищаль хорошо и ровно била на семьдесят-сто шагов. Натренированный стрелец на таком расстоянии прицельно клал почти все выстрелы в ростовую мишень. Да и заряжать такую пищаль было одно удовольствие – затвор ручкой специальной повернул, дернул, патрон вставил и опять же затвором, с уже взведенной иглой, запер. Пули ратники лили сами, а затем упаковывали их при помощи вошеной бумаги с лепешкой и порохом в патрон. Стрельцы, конечно, ближний бой не очень жаловали, хотя сабельки у них имелись. И пользоваться они ими могли. Но ни в какое сравнение со степными волками, что на лошади живут и с ножа едят, они не шли. И бердыш стрелецкий, при прошлом вседержце совсем укоротили – теперь он был высотой хорошо, если по пояс. Предпочитали стрельцы драться издали, решая все вопросы свинцовой дулей. Задумавшийся боярин вздохнул. Ему бы, конечно, хотелось иметь за спиной тех детей боярских, с которыми столько раз на порубежье хлеб делил. Те и саблей, и свинцом, и пешими, и конными – все едино молодец к молодцу. Но в такие походы царь своих главных порубежников не посылает – бережет.

Всеволод с волхвом немного посмотрели за тренировкой стрельцов и пошли инспектировать собираемый обоз. Фролка как раз занимался погрузкой поклажи на выделенные для этой цели телеги, при этом зорко следя за крепкими крючниками, чтобы ничего к их рукам не прилипало. На трех самых крепких телегах уже стояли закрепленные по бокам щиты гуляек на маленьких колесиках с узкими бойницами. Набраны они были из узких дубовых дощечек,

скрепленных неширокими железными полосами. Такие щиты могли остановить не только степную каленую стрелу, но если повезет, то и пулю. Рядом со своей небольшой походной кухней, которая представляла собой закопченный бронзовый котел с крышкой и чугунной печкой на двух колесах, возился стрелецкий кашевар Збор – кривоногий краснощекий детина с мясистым плоским носом, заплывшими сонными глазами и огромными ручищами. Явно не без примеси степняцкой крови человек.

Тут, на одной из уже загруженных и укрытых рогожею повозок Всеволок увидел пацаненка. Мальчишка сидел на телеге и, мотая ногами, ножом выстругивал что-то из деревяшки.

– Эй! Ты кто, чей?!. – оперев руки в бока, возмутился боярин.

Малец втянул голову в плечи и с испугом смотрел на Всеволока.

– Боярин, не гневись. – Тут же к Кручине посеменил, сорвав с себя шапку, Збор. – Это нашего Гияна малец – Сарыш кличут. Послушный отрок. Никого у них из родни не осталось. Вот Гиян пацана-то с собой и таскает. Дозволь ему с нами быть.

– Это что – его с нами в мертвые земли брать?! – зашелся Всеволок. Но стоявший рядом волхв успокаивающе положил ему руку на плечо.

– Ну, ежели нет у них никого, с кем дите-то оставить? Или что? Родному отцу сына в холопы продавать? Так уморят же мальчика... – примирительно заметил Бродобой.

Боярин задумался на несколько секунд, затем проворчал:

– Ладно, пушай идет. Только смотри, – погрозил он пальцем Збору, – чтобы, пока мы далеко не уйдем, на глаза опричным не попадался. А потом пушай вон кашу варить помогает.

– Благодарствую, боярин, – прижав шапку к груди, заулыбался кашевар.

Всеволок расстроено сплюнул, затем нашел взглядом своего слугу и заорал: – Фролка, сучий сын!!! Проследишь! Чтобы никакие девки за нами не увязались! Никаких посудомоек и прачек! А то отвернешься – уже набежали бляди... – сказал он тише. И как-то обиженно добавил: – А ты потом еще от степняков их отбивай!

– Слушаюсь, боярин! – заученной скороговоркой ответил Фрол, в тот же момент отвернувшись и продолжив собачиться с неловким крючником. Затем, видимо, вспомнив, опять обернулся к Кручине: – А кузнеца казенного брать?!

– Ну конечно бери, дубина! – рассвирепел Всеволок.

...

– Обряд нам надо делать, – заявил Бродобой, когда они уже сидели с боярином в таверне и потягивали квас. После вчерашнего загула обоим хотелось чего-нибудь холодного и кислого. – В лес надо, подальше от жилья. Сормаху милостить буду, чтобы помог нам. Гадать буду...

Всеволок недоверчиво покачал головой, но спорить не стал:

– Как казаков дождемся, сразу и выйдем.

– Без обряда никак. Лучше мы вперед немного пройдем, мне совсем дикий лес нужен. Там еще одно дело надо сделать. – Взгляд волхва стал отсутствующим. – А казаки нас догонят. Чай не пёхом...

На том и порешили.

Глава 4

Попрощавшись с вышедшим проводить экспедицию Севычем, Кручина дал приказ выступать. Как ни торопил людей Фролка, как ни орал Всеволок, отряд вышел поздним утром. У боярина еще была надежда, что они успеют пройти хоть десяток верст засветло. Впереди, подбоченясь и гордо взирая вперед, верхом ехал сам боярин с Емкой. Боевой холоп держал на длинной свежевystруганной пике значок Кручин – развевающийся треугольник черного флага с вышитым серебряным бобром. За ним привычно шагали, положив пищали на плечи и повесив за спину бердыши, четыре десятка стрельцов. За ними ехала бричка Густава. Затем тянулись, запряженные волами, повозки со скарбом, рядом с которыми тоже вышагивали одиноким стрельцы. Потом телега с прицепленной пушкой, и замыкал все это Збор со своей кухней и опричные. За телегой с мешками овса блеяли, привязанные веревками, козы, перекрывая утробный храп развалившегося на мешках Бродобоя. Проснувшийся еще затемно, Фролка досыпал на соседней телеге. Куры в клетях истерично кудахтали, создавая музыкальное сопровождение походу. Через пару верст Всеволок приказал сворачивать с наезженной дороги, уходящей на юго-восток, и отряд пошел дикой степью на запад, вдоль опушки леса. Трава была еще по-весеннему зелена, солнышко не пекло, а ласково грело. Легкий, чуть промозглый ветерок милостиво обдувал людей. Неторопливая езда успокаивала, внушая надежду на благополучный исход мероприятия. Стрельцы дружно грянули речитативом бравой маршевой песни.

Сарыш трясся в телеге рядом с одним из пушкарей, зарывшись в мотки пакли, чтобы его не углядели из опричной повозки. Пушкарь – молодой стрелец по имени Сидор, бывший за возницу, изредка покрикивал на медлительных волов. Пацан посмотрел назад на свесившего ноги с телеги и почесывающего голову Горыныча.

– А почему его зовут Горынычем? – шепотом спросил мальчик Сидора. – Это потому, что он из пушек огнем палит?

– Неее, – флегматично протянул Сидор. – Потому шо жрет в три горла.

Идущие рядом с повозкой стрельцы и сам Сидор дружно заржали. Затем шутку стали передавать в голову отряда, и вот уже вместо скомканно оборвавшейся песни поднялся веселый солдатский гогот. Сам здоровяк Горыныч тоже посмеялся этой бородатой хохме.

«Пушай лучше так, – улыбнулся про себя Всеволок, – чем они смурные всю дорогу идти будут. Хоть мыслей дурных в головы поменьше влезет. Мне поспокойней».

Экспедиция медленно катила почти до темноты, пока Всеволок не приказал становиться лагерем. Телеги составили полукругом впритык к высоким стволам деревьев. Так, чтобы была какая-никакая защита от степи. На споро расчищенной чуть поодаль в лесу поляне поставили шатры боярину и опричному десятнику. Густав предпочел ночевать в своей натоленной кибитке, которую тоже загнали в лес. А стрельцы и возницы улеглись прямо на землю – под деревья, оставив на дежурстве пару человек.

Выйдя утром из шатра, Всеволок увидел, как Фролка тихо о чем-то разговаривал с одним из стрельцов, усаженным понурым мужиком с вытянутым, слегка лошадиным лицом. Выслушав холопа, ратник покивал и пальцем поманил к себе Сарыша, отиравшегося возле раскошегаренной кухни. Фрол стал что-то вполголоса втолковывать пацаненку. Мальчонка смотрел снизу вверх с не по-детски серьезным и сосредоточенным лицом. Затем, увидев, что боярин поднялся, Фролка быстренько направился к Всеволоку. Надо было прислужить боярину умыться и одеться.

– Ну что там у нас? Все тихо? – негромко спросил боярин у держащего рушник и кувшин холопа.

– Пока тихо. Я пацаненку за волхвом наказал смотреть, – так же вполголоса ответил Фрол. – Своенравный жрец. Да и опасаясь я его. Как бы стрельцов не взбаламутил.

– Полей, – приказал Всеволод и стал, фыркая и крякая, плескаться в студеной поутру воде. – Этот не взбаламутит. С пониманием дядька. – закончил он, растирая тело рушником докрасна.

...

Звероподобный Бродобой явно куда-то засобирался. Перекусив со стрельцами у походной кухни, махнув рукой боярину, дескать, «я скоро» и подхватив посох, направился в лес. Увидев, что ведун выходит из лагеря и скрывается между деревьями, Фролка поймал взгляд Сарыша и слегка качнул головой. Мальчишка кивнул в ответ и юрко метнулся вслед жрецу.

Ожидавший подвоха ото всех и по любому поводу, Фрол старался никого надолго не выпускать из виду. Будучи мальцом, он еще в то время изумлял непоседливого Вольку своим раздражающим умением вдруг появляться ниоткуда в самый неловкий момент. Например, когда вроде бы удравший ото всех малолетний Кручина пытался запалить украденный у тятеньки порох. Порох они все-таки запалили, но уже вдвоем, с восторгом наблюдая за шипящей огненной дорожкой.

Широкоплечая высокая фигура волхва мелькала среди увеличивающихся вширь деревьев. Жрец шел ходко и практически бесшумно, что было удивительно при его росте и весе. Мальчишка еле поспевал за ним, высматривая, куда поставить босую ступню и перебегая от ствола к стволу. Шли они довольно долго. Лес становился все более густым и темным. Наконец волхв вышел на небольшую поляну, заваленную гниющим валежником. Сарыш затаился за деревом и принялся наблюдать. Бродобой расчистил небольшое место и сел на ствол упавшего гнилого дерева. Затем поставил перед собой маленький туесок с медом и выложил из котомки здоровенный кусок вяленого мяса, затем достал из сапога нож и с трудом порубил мясо на куски помельче, сложив их рядом с туеском. После чего немного молча посидел. Затем, глубоко вздохнув, издал пронзительно-протяжный крик, похожий на громкое тьяканье лиса – если бы зверь был размером с лошадь. Через несколько минут волхв опять так же затыкался, только чуть дольше и протяжней. Дрожащего за кустом орешника Сарыша от этих криков пробирала дрожь. Уж как ему не хотелось следить за грозным ведуном, но батя строго-настрого велел Фролке не перечить и делать все, что тот скажет. А уж что такое служба, Сарыш сызмальства знал, чай тятка не кто-нибудь, а стрелец государев.

Волхв просидел около часа, за это время еще пару раз издав громкий тьякающий крик. Потом в дальних зарослях что-то зашуршало, и к сидящему на бревне Бродобоей вышла, фыркающая и что-то ворча, здоровенная и седая от старости росомаха. Зверь искоса посмотрел на сидящего неподвижно ведуну и что-то положил к его ногам. Сарышу было не видать, что там лежало. Затем росомаха смешно плюхнулась на задницу и стала ворчать, потягивая, взрыкивая, фырча и постоянно принохиваясь к меду. Волхв кивал, будто понимая язык зверя, а может, и вправду понимал. Через пару минут Бродобой раскрыл туесок и пододвинул его к росомахе. Та суетливо погрузила морду с короткими ушами в берестяную коробку и с огромным аппетитом зачавкала. Звуки были такие понятные, что у Сарыша даже заурчал пустой с утра живот – мальчишка так и не успел ничего поесть. Пока зверь насыщался, жрец поднял что-то с земли и, тихонько поднявшись, пошел обратным путем. Возле орешника, где, стараясь не дышать, прятался паренек, Бродобой остановился и вполголоса проговорил:

– Ну давай, вылазь уже, пойдем в лагерь.

К отряду как раз присоединились казаки, дожидаться которых в Черноборах оставляли Щепу. Он и привел почти полторы дюжины всадников на невысоких, но жилистых степных лошадях. И пару подвод с остатком провианта. Подводы должны были вернуться в крепость, и поэтому Фролка быстро организовал стрельцов перегружать припасы в отрядные телеги.

Казачи были западные, реестровые, но подозрительно оборванные для состоящих на жаловании. Они были увешаны с ног до головы добротным оружием, за которым явно следили лучше, чем за своей одеждой. Из всей этой шайки оборванцев сильно выделялся только их атаман. Как он представился, сотник Сермяга. Одетый в ярко-синие шелковые шаровары, белую рубаху, подпоясанную красным кушаком, и светло-коричневую короткую куртку с лисьей опушкой, на которой выделялись вышитые красные продольные разговоры. Длинные крепкие краги с подвернутыми раструбами, короткие, собранные в гармошку сапоги, а на шее массивные – золотые цепи. Сотник выглядел значительно представительней своих людей, одетых в износившиеся наряды явно с чужого плеча. Сняв перед боярином пышную шапку, к которой изнутри был прикреплен железный чепец с бармицей, Сермяга коротко поклонился, представляясь, и затем поправил свой длинный сальный оселедец.

– Наказом Верхнелицкого казачьего войска направлен под твою руку, боярин, – закончил свое представление сотник и молодецкато выпрямился, брякнув навешанным на себя железом. Висевшая на его груди медалька Рыцкого похода тускло блеснула. Сотник был невелик ростом и худощав – даже выпрямившись, он едва доставал коренастому Всеволоку до бровей. Его кривые ноги выдавали прирожденного наездника.

– Добро! – улыбнулся Кручина. – В Черной степи на вас одна надежда.

– Отряд у меня невелик, – как бы виновато скривился Сермяга.

– Так и мы не воевать идем. Человека ученого оберегать будем. – Всеволод махнул рукой. – Сермяга, а че у тебя казачки оборванные такие? – спросил боярин, кивая на разношерстную ватагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.